

М.М. Бахтин об А.С. Пушкине

© 2023 С.А. Шульц

*Сергей Анатольевич Шульц, доктор филологических наук,
независимый исследователь
E-mail: s_shulz@mail.ru*

Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. У М.М. Бахтина выстраиваются контуры достаточно гибкой целостной интерпретации пушкинского творчества. В статье выделяются три основных смысловых узла, в которых происходит осмысление Бахтиным Пушкина. Первый основан на ценностно-философском подходе и связан с диалогической идеей взаимопроникновения личностных ценностно-идеологических контекстов и кругозоров автора и героев. Второй посвящен романной поэтике и прозаизации. Третий соотношен с теорией карнавала. Несмотря на нередкую интенцию иллюстративности по отношению к собственно философско-филологической идее исследователя, бахтинские характеристики многое привносят в наше понимание органики пушкинского мира. С другой стороны, творчество Пушкина приобретает освещающее значение для понимания бахтинских концепций. Бахтинская пушкинистика с особой отчетливостью обнаруживает герменевтичность бахтинского метода: толкование текста рождается из исторически осмысленной субъективности интерпретатора. Назовем эту субъективность ответственной: она ответственна постольку, поскольку отмечена такими чертами, как масштабность мысли и глубина проникновения в предмет. Вместе с тем указанная субъективность укоренена в органических, живых движениях события бытия, в особо трактованном герменевтическом предпонимании-кругозоре.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, М.М. Бахтин, диалогизм, карнавальность, прозаизация, теория романа, герменевтика.

Фигура А.С. Пушкина привлекала внимание М.М. Бахтина на протяжении всего научного пути исследователя: от ранних работ 1920-х годов до позднейших заметок. Входил ли поэт в круг ключевых, предпочтительных для бахтинской филологии и культурфилософии авторов или занимал в его научном творчестве достаточно факультативное место?

К. Кларк и М. Холквист, например, сужают число «любимых фигур личного пантеона Бахтина» до четырех (Рабле, Гете, Достоевский, Данте), и здесь не находится места Пушкину [38, с. 295]. Исключен он и из списка «собеседников-единоверцев» ученого, составленного В.Н. Турбиным (Руссо, Гете, Гоголь, Вяч. Иванов, Флобер, Рабле, Достоевский) [27, с. 29–30]¹.

В то же время при некотором расширении круга – по сравнению с подходом Кларк/Холквиста и Турбина – контекст изменяется, и ситуация с бахтинскими «точками опоры» предстает в ином свете. Именно поэтому Пушкин, наряду с Достоевским, Рабле, Гете, Шекспиром, Данте, Гоголем и Флобером, закономерно назван С.Г. Бочаровым и Л.А. Гоготишвили «одним из опорных звеньев» «историко-теоретических концепций» Бахтина [17, с. 496]. Этот список представляется предельно взвешенным и сбалансированным, что заставляет говорить о неслучайности присутствия Пушкина в бахтинском мире.

¹ Присутствие здесь Руссо явно вызывает вопросы.

В самом деле, пушкинское творчество в той или иной форме соотносится Бахтиным с важнейшими моментами его построений. К ним относятся «философия поступка», концепция автора и героя, романная поэтика и теория романизации, прозаизация, диалогизм, теория карнавала. Это позволяет увидеть в Пушкине постоянного духовного собеседника Бахтина. Вместе с тем, как нередко бывает у Бахтина, ключевые идеи, касающиеся, в частности Пушкина, только более или менее намечены, что, однако, лишь увеличивает смысловую перспективу и предоставляет читателям возможность сотворчества.

Бахтин не «пристегивает» поэта к своим теориям, не «модернизирует» его на свой лад, в то же время рассматривая его в достаточно неожиданных контекстах, что сближает Бахтина с одной из ведущих историко-философских и историко-литературных линий XX в. (М. Хайдеггер, Г.-Г. Гадамер, П. Рикер, Ф. Лаку-Лабарт и др.), когда предмет осмысливается через призму исследовательской субъективности, понятой исторически. Эта линия – по преимуществу герменевтическая (ср.: [16], а также: [30; 31; 33]).

В работе «<К философии поступка>» (1920–1924) имя Пушкина привлекается как пример диалогического контакта в рамках пары автор/герой и взаимоотношений героев в целом произведения. Бахтин рассматривает художественное произведение в плане его внутреннего диалогизма, показывая взаимопроникновение различных личностных ценностно-идеологических кругозоров-самосознаний² автора и героев.

Анализируя в этой связи пушкинское стихотворение «Для берегов отчизны дальной...», исследователь выделяет в нем контексты лирического героя и героини, демонстрируя, что второй контекст, не теряя своей самостоятельности, «объемлется первым (ценностно утверждается им)» [7, с.60]. В свою очередь, оба этих контекста «объемлются единым ценностно-утверждающим контекстом автора-художника <...> и созерцателя», находящегося в позиции «внеаходимости» [7, с. 60]. «Ценностное» у раннего Бахтина означает те или иные варианты картины мира, что шире обычной аксиологии. Уже в 1930-е гг. Бахтин отказывается от ценностных категорий, практически уходя от аксиологии. Последние же строки стихотворения – «Исчез и поцелуй свиданья... / Но жду его – он за тобой!» – утверждают идею того, что не замкнут круг событийного взаимопроникновения ценностных контекстов героев, что надежда на свидание сохраняется и после смерти героини [7, с. 64].

Примерно в то же время, но на несколько ином витке своего теоретизирования Бахтин возвращается к этому же стихотворному тексту в обширном фрагменте работы «<Автор и герой в эстетической деятельности>» (1920–1924). Уже в первых двух строках Бахтин обнаруживает глубинное взаимодействие различных субъективных контекстов:

«Для берегов отчизны дальной
Ты покидала край чужой...

«"Берега отчизны" лежат в ценностном пространственно-временном контексте жизни героини, для нее, в ее эмоционально-волевом тоне возможный пространственный кругозор становится **отчизною**: это момент события в ее жизни»; в то же время этот момент конкретизирован здесь одновременно и в «направлении к герою», в «контексте его судьбы»: «ты покидала»; «в направлении к ней лучше было бы сказать "возвращалась", ведь она едет на родину» [2, с. 72–73].

Теперь пушкинский шедевр используется прежде всего для описания «архитектонической функции ценностного мира человека в художественном целом» [2, с. 73]. Во многом в пику аристотелевско-гегелевской эстетике на примере этого стихотворения исследователь заостряет момент неизбежного различия между автором и его героем: даже автору-лирику необходим герой в качестве некоей точки центрирования реальности как многополюсной реальности сознания. Иначе говоря, согласно Бахтину, и в

² «Кругозор» у Бахтина означает чаще всего именно «самосознание».

лирике не бывает чистого самораскрытия «от себя», чистого «подражания субъекту». Причем различие между автором и героем носит эмоционально-волевой, ценностно-эстетический характер.

По мнению Бахтина, тема любви и смерти как основная в этом произведении, будучи в принципе этической, все же оказывается тут «лишена своего этического жала», «закрыта образом *поцелуя*» – а это «центральный тематический образ» [2, с. 79]. То есть читатель оценивает событие стихотворения сугубо в плане его эстетического осуществления, как уже завершенное и разрешенное «для нас» событие – «хотя прозаический анализ мог бы и должен был бы философски-религиозно углубить эту тему в соответствующем направлении» [2, с. 80].

На пушкинском материале Бахтин показывает, что образу в сознании автора может предшествовать понятие как часть познавательного уровня творческой деятельности. Ценностные категории, согласно Бахтину, характеризуют и внутренние миры героев, и весь мир произведения (предметности) в их конкретике: «... оценка проникает предмет, более того, оценка создает образ предмета, именно формально-эстетическая реакция сгущает понятие в образ предмета» [2, с. 77].

Интенции пушкиноведческих разборов Бахтиным лирики отчасти были востребованы С.Н. Бройтманом при создании им концепции диалога в русской лирике [см.: 20]. Бройтман отмечает, что рефлексии диалога в русской лирике начинаются с Пушкина [21, с. 105–134]. Последующее развитие концепции диалога в пушкинском творчестве, принадлежащее И.С. Юхновой, также опирается на идеи Бахтина [35; 36].

Романная поэтика изучалась Бахтиным в том числе за счет обращения к «Евгению Онегину» («Слово в романе», 1934–1935; «Из предыстории романного слова», 1940 и др.). В соответствии с установками бахтинской поэтологии «Евгений Онегин» рассматривался в плане диалогической стилистики, а также в плане ценностно-философского значения формы. Почти как и в случае с Достоевским, чисто содержательный («тематический») уровень произведения оказывается словно за пределами внимания исследователя, однако это делает толкование еще более глубоким. Бахтиным отмечается условно-пародийный характер стилистики пушкинского «романа в стихах» («самокритика литературного языка эпохи» [5, с. 521]) и почти отсутствие собственного прямого языка автора, хотя все же автор оказывается «вездесущ» в произведении [5, с. 519]. Необходимость учета диалогически-пародийного контекста становления основных героев особо подчеркивается. В противном случае, как метко сказано Бахтиным, мы интерпретируем не столько произведение Пушкина, сколько его мелодраматическую версию, вошедшую в широкий оборот благодаря опере Чайковского, исключившей пародийные моменты «Евгения Онегина» [13, 177].

Бахтин выделяет в «романе в стихах» три основных «голоса» или «образа языка», принадлежащие трем главным героям: Онегину, Ленскому и Татьяне. При этом «голос» – это личностно-идеологический «голос», а «образ языка» – также личностно-идеологический, выражение мировоззрения и сущности личности (ее самосознания). Самый яркий случай несовпадения подразумеваемого авторского «образа языка» и языка героя обнаруживается в пассажах, посвященных Ленскому. Образ стиля Ленского – «образ чужого поэтического стиля сентиментально-романтического» [5, с. 516], неизменно вышучиваемый Пушкиным. В частности оценка поэзии Ленского, как показано Бахтиным, дается в основном «в зоне» голоса самого Ленского:

«Он пел любовь, любви послушный,
И песнь его была ясна,
Как мысли девы простодушной,
Как сон младенца, как луна... –

«Здесь “песнь” Ленского сама себя характеризует, на своем языке, в своей поэтической манере» – причем автор воспринимает стилистику Ленского явно

иронически; зато «прямая пушкинская характеристика “песни” Ленского <...> звучит совершенно иначе:

Так он писал темно и вяло...» [13, с. 83; 5, с. 515–516].

По мнению Бахтина, все в той же зоне Ленского построены сцена дуэли и поминальный плач о погибшем поэте, однако при этом туда все время вмешивается реалистический и трезвый авторский голос. Зато «зона», «район действия» голоса Онегина осваиваются автором несколько в ином ключе: мысли Онегина могут в значительной мере вызывать сочувствие Пушкина, хотя он «и видит ограниченность и неполноту онегинско-байронического мировоззрения и стиля» [5, с. 517]. Так язык автора (авторское сознание, авторская позиция) оказывается гораздо ближе к языку Онегина, чем к языку Ленского, «он (т. е. автор. – С.Ш.) уже не только вне его, но и в нем; он не только изображает этот «язык», но в известной мере и сам говорит на нем [5, с. 517]. Герой находится в зоне возможной беседы с ним, в зоне диалогического контакта. Таким образом, чужой голос-мировоззрение оказывается одновременно «и изображающим, и изображенным», что типично для величайших романских образов (например, образа Дон Кихота)» [5, с. 518].

Наконец, голос Татьяны охарактеризован Бахтиным через «своеобразное сочетание мечтательно-сентиментального ричардсоновского языка “барышни уездной” с народным языком няниных сказок и бытовых рассказов, крестьянских песен, гаданий и т. п. Ограниченное и почти смешное, старомодное в этом языке сочетается с безгранично серьезной и прямой правдой народного слова» [5, с. 518–519]. При этом Пушкин «не только изображает этот язык, но и весьма существенно говорит на нем. Значительные части романа даны в зоне голоса Татьяны» [5, с. 519].

Очевидно, что главным в «романе в стихах» для Бахтина оказывается уходящая в даль смысловая перспектива пересечения различных идеологических «голосов». В результате этого художественная идея приобретает вид сложной, противоречивой целостности – целостности непрерывного продуктивного «мерцания» различных значений и жизненных позиций, которые принципиально не могут быть сведены к единому знаменателю. Поэтому точка в художественно-экзистенциальном диалоге героев (то есть в диалоге самой жизни, от «лица» которой выступает роман) не поставлена и не может быть поставлена. Распространенная же Р.О. Якобсоном на пушкинский роман концепция романтической иронии [37] при многих верных аспектах превращает разноречие романа отчасти в монолог.

Ставшую расхожей формулу Белинского о «Евгении Онегине» – «энциклопедия русской жизни» – Бахтин пытается «приручить», истолковывая на свой лад: в понятие «энциклопедии» им включается идеологическое многоязычие [5, с. 521]. Эти и другие бахтинские интуиции о пушкинском романе были впоследствии развиты С.Г. Бочаровым [19], Н.Д. Тмарченко [26], С.А. Дубровской [22, с. 100–116].

В «Повестях Белкина» Бахтиным особо отмечается вымышленная фигура повествователя и «издателя» как «чужой голос» [10, с. 214], привносящий продуктивное остранение эксплуатируемых в цикле поэтически-романтических штампов за счет принципиально «непоэтического», трезвого взгляда на них: «Белкин, равно как и рассказчики третьего плана, из уст которых он воспринял свои рассказы, “прозаический” человек, лишенный поэтической патетики. Благополучные “прозаические” разрешения сюжетов и самое ведение рассказа нарушают ожидания традиционных поэтических эффектов. В этом непонимании поэтической патетики прозаическая продуктивность точки зрения Белкина» [5, с. 67]. Образом Белкина Бахтин характеризует такого рассказчика, который «может несколько не ослаблять единовидящего и единосознающего монологизма авторской позиции и несколько не усиливать смысловой весомости и самостоятельности слов героя» [10, с. 67].

Бахтин подчеркивает в «Повестях Белкина» «существенно-прозаические темы»: «мистификации, профанации, случайности, выпадения из нормы» [8, с. 10]. Прозаизм в

данном случае означает «фамильярный контакт» с незавершенным настоящим, диалогизм, социальное разноречие. Отмеченный Бахтиным диалогический зазор между образом Белкина-рассказчика и привносимым им жизненно-художественным материалом, между образом рассказчика и автором цикла, стал предметом анализа С.Г. Бочарова [18].

Выделим также замечания Бахтина о принципиально диалогических, «неовнешняющих» принципах изображения «маленького человека» в одной из новелл «Повестей Белкина»: «Ответственность за своего героя как за живого человека, боязнь принизить в нем человека, оскорбить в нем человеческое достоинство, завершить его до конца. Стремление расширить человечность, найти человека там, где его до сих пор не искали (“Станционный смотритель”»)» [6, с. 76].

Третий большой узел бахтинских построений, содержащих аллюзии на Пушкина, связан с карнавальной теорией. Ученый собирался написать в связи с этим специальную статью о Пушкине. Ряд наблюдений на эту тему разбросан по страницам «Проблем поэтики Достоевского» (1963), «Творчества Франсуа Рабле и народной культуры средневековья и Ренессанса» (1965) и др. Отголоски карнавального мировоззрения обнаруживаются Бахтиным особенно в «Борисе Годунове», повестях Белкина, болдинских трагедиях и “Пиковой даме”» [10, с. 179]. Бахтин указывал, что «веселый разум» Пушкина «сродни Рабле» [9, с. 640]. Так, в эпизоде кошмарного сна самозванца (“Внизу народ на площади кипел / И на меня указывал со смехом”) прямо подчеркивается оттенок развенчивающего «хорового смеха» (при этом проводится параллель и с мистическими снами Раскольникова), проводится сближение арены действия трагедии с карнавальной площадью [14, с. 507–508; 10, с. 191]. Недаром в народной традиции Отрепьева считали еретиком и колдуном, который отличен от всех своим «антиповедением»: хранит иконы под кроватью, а на их место ставит скоморошью маску. «Скоморохом» назван герой и у Пушкина. Таким образом, беглый монах Гришка Отрепьев оказывается с неизбежностью подлежащим развенчанию карнавальным королем дураков, что и происходит в трагедии. Пушкин прекрасно чувствовал связь своей пьесы – в том числе на уровне жанра – со всеми этими традиционно-архаическими явлениями, недаром же в первом варианте она имела «средневековое», почти «мистерийное» заглавие: «Комедия о настоящей беде Московскому государству, о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве»

Комментируя идеи Бахтина о большом значении вертепной драмы в трансплантации карнавального начала и развивая их, И.Л. Попова замечает, что рождественская мистерия, показывающая смерть Ирода, является ядром, глубинной подосновой «Бориса Годунова», и в истории о «царе Ироде» звучат ее основные тона [23, с. 492]. Этой же исследовательницей подмечены вертепные элементы «Бориса Годунова», выражающиеся в «двухъярусности» художественного пространства трагедии [24]. В самом деле, юродивый Николка прямо называет Бориса «царем Иродом», а убийство Годуновым малолетнего царевича – отражением избиения младенцев Иродом. Видения Годунова (“И мальчики кровавые в глазах”) закрепляют эти параллели.

Бахтиным также производятся сопоставления героев и ситуаций «Пиковой дамы» и «Преступления и наказания» (позже отчасти расширенные Н.Д. Тмарченко [25]): «”наполеонизм” на специфической почве молодого русского капитализма <...> получает второй, убегающий в бесконечную смысловую даль *карнавальный план*» [10, с. 190], в результате чего обнаруживается преемственность между Германном и Раскольниковым, с их «карнавализованным» наполеоновским комплексом, который предопределяет их сознание, движет их поступками.

Герои «Моцарта и Сальери» привлекаются Бахтиным как примеры, с одной стороны, «открытой серьезности», допускающей смех, пародию (Моцарт) и, с другой стороны, мрачного догматизма (Сальери). Ключевой в этом смысле является сцена

со слепым стариком-скрипачем: Моцарт весело смеется над фальшивыми парафразами своей музыки, а Сальери, будучи агеластом, негодует [14, с. 135, сноска 1]³.

Нарушение карнавального круговорота длящейся, незавершенной жизни Бахтин находит вновь в связи с решением этой темы у Достоевского, в «Скупом рыцаре», где присутствует конфликт между отцом и сыном и возникает тема гипотетического отцеубийства⁴. С карнавалом, согласно Бахтину, Пушкин так или иначе соотносит мотив всемогущества, даваемого богатством: «Тема власти денег уже у Пушкина вливается в карнавальную традицию (“преисподняя”-подвал барона, вражда отца с сыном, “Сцены из рыцарских времен”, “Пиковая дама”» [3, с. 118].

Бахтинское замечание означает, что полагание денег в качестве предмета страсти и поклонения приводит к нарушению и смещению обычных иерархий, к преворачиванию мирового порядка: скупой рыцарь становится тайным властелином мира, распря проникает в самое семью, офицер-педант, имевший репутацию прагматика, вовлекается в азартную игру и сходит с ума и т. д. Причем эти смещения не носят одностороннего катастрофического оттенка: в контексте «большого времени», с которым связан карнавал, они способны расцениваться как момент все обновляющегося бытия, как толчок к отказу от застывшего. Пушкинский набросок «Марья Шонинг» также сближен Бахтиным с карнавальной темой: «<...> смерть – смех, психическое раздвоение, проститутка – убийство и т. п.» [4, с. 376].

Само обращение Бахтина с пушкинскими текстами наделено оттенками карнавальности. В частности, избирая эпиграфом ко второй главе книги о Рабле («Площадное слово в романе Рабле») две строки из «Стихов, сочиненных ночью во время бессонницы», Бахтин дает вторую строку в редакции Жуковского: «Я понять тебя хочу, / Темный твой язык учу» [14, с. 159].

В развитие бахтинской мысли о «прозаизме» «Повестей Белкина» и роли карнавального начала в искусстве В.И. Тютя проанализировал значение и роль в них различных «карнавальных пар» [28]. Карнавальные мотивы в творчестве Пушкина рассматривала также С.А. Дубровская [22, с. 78–129]. Под влиянием идей Бахтина, а также Д.С. Лихачева и А.М. Панченко «смеховой мир» «Бориса Годунова» трактован С.А. Фомичевым, отметившим, что Пушкин представил скоморошество и юродство «в их подлинном виде, а не в качестве притворных масок» [29, с. 64–65]⁵. К работе Фомичева примыкает текст С.З. Аграновича [1].

Как видим, у Бахтина выстраиваются контуры достаточно гибкой целостной интерпретации пушкинского творчества. Выделяются три основных смысловых узла, в которых происходит осмысление Бахтиным Пушкина. Первый основан на ценностно-философском подходе и связан с диалогической идеей взаимопроникновения личностных

³ Попытка «карнавальной» интерпретации «Моцарта и Сальери» и остальных «Маленьких трагедий» предпринята в нашей работе: [см.: 32].

⁴ В связи с показанным в «Скупом рыцаре» конфликте поколений ср. выделенное Бахтиным послание Гаргантюа Пантагрюэлю, где выражены обратные интенции о единстве различных поколений в смысловой горизонтали. В первой редакции книги о Рабле («Рабле в истории реализма») об этом сказано так: «Но тот же мотив <мотив страха перед сыном> играет существенную роль в «Скупом рыцаре» Пушкина. Скупой барон не лжет, обвиняя сына в том, что он хочет его убить и обокрасть; у него, правда, нет доказательств э м п и р и ч е с к о г о порядка, но он знает, что сын по самой своей природе есть тот, кто будет жить после него и будет владеть его добром, т. е. убийца и вор. Скупой барон, как Хронос, хочет быть вечным, не иметь наследников (“О, если б из могилы притти я мог, сторожевою тенью сидеть на сундуке и от живых сокровища мои хранить как ныне”). Поэтому и молодому Альберу не случайно подсказывают мысль об отцеубийстве» [12, с. 240].

⁵ Фомичеву во многом возразила К. Эмерсон, настаивающая при этом на жанровой атрибуции «Бориса Годунова» как трагикомедии [34]. Но подобная атрибуция, на наш взгляд, не отрицает трактовки Фомичева.

ценностно-идеологических контекстов и кругозоров автора и героев. Второй посвящен романной поэтике и прозаизации. Третий соотношен с теорией карнавала. Несмотря на нередкую интенцию иллюстративности по отношению к собственно философско-филологической идее исследователя, бахтинские характеристики многое привносят в наше понимание органики пушкинского мира. С другой стороны, творчество Пушкина приобретает «большое освещающее значение для понимания» [15, с. 533] бахтинских концепций.

Бахтинская пушкинистика с особой отчетливостью обнаруживает герменевтичность бахтинского метода: толкование текста рождается из исторически осмысленной субъективности интерпретатора. Назовем эту субъективность ответственной: она ответственна постольку, поскольку отмечена такими чертами, как масштабность мысли и глубина проникновения в предмет. Вместе с тем указанная субъективность укоренена в органических, живых движениях события бытия, в особо трактованном философском предпонимании-кругозоре [8]. В случае Бахтина мы имеем дело не просто с русским вариантом герменевтики, но с новым модусом научности, во многом определившем лицо гуманитаристики XX–XXI вв.

1. *Агранович С.З.* Народная смеховая культура в трагедии Пушкина «Борис Годунов» // *Содержательность форм в художественной литературе. Проблемы поэтики.* Самара, 1991. С. 3–15.
2. *Бахтин М.М.* <Автор и герой в эстетической деятельности> // *Бахтин М.М.* Собрание сочинений. В 7 тт. Т. 1. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2003. С. 69–264.
3. *Бахтин М.М.* Дополнения и изменения к Рабле // *Бахтин М.М.* Собрание сочинений. В 7 тт. Т. 5. М.: Русские словари, 1996. С. 80–129.
4. *Бахтин М.М.* Заметки 1962 г. – 1963 г. // *Бахтин М.М.* Собрание сочинений. В 7 тт. Т. 5. М.: Русские словари, 1996. С. 375–378.
5. *Бахтин М.М.* Из предъистории романного слова // *Бахтин М.М.* Собрание сочинений. В 7 тт. Т. 3. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 513–551.
6. *Бахтин М.М.* <К вопросам самосознания и самооценки> // *Бахтин М.М.* Собрание сочинений. В 7 тт. Т. 5. М.: Русские словари, 1996. С. 72–79.
7. *Бахтин М.М.* <К философии поступка> // *Бахтин М.М.* Собрание сочинений. В 7 тт. Т. 1. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2003. С. 7–68.
8. *Бахтин М.М.* К философским основам гуманитарных наук // *Бахтин М.М.* Собрание сочинений. В 7 тт. Т. 5. М.: Русские словари, 1996. С. 7–10.
9. *Бахтин М.М.* Письмо Н.М. Любимову от 24 июня 1962 г. // *Бахтин М.М.* Собрание сочинений. В 7 тт. Т. 4 (2). М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2010. С. 639–640.
10. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского // *Бахтин М.М.* Собрание сочинений. В 7 тт. Т. 6. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 5–300.
11. *Бахтин М.М.* Проблемы творчества Достоевского // *Бахтин М.М.* Собрание сочинений. В 7 тт. Т. 2. М.: Русские словари, 2000. С. 5–175.
12. *Бахтин М.М.* Франсуа Рабле в истории реализма // *Бахтин М.М.* Собрание сочинений. В 7 тт. Т. 4 (1). М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2008. С. 11–505.
13. *Бахтин М.М.* Слово в романе // *Бахтин М.М.* Собрание сочинений. В 7 тт. Т. 3. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 9–179.
14. *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса // *Бахтин М.М.* Собрание сочинений. В 7 тт. Т. 4 (2). М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2010. С. 7–508.
15. *Бахтин М.М.* Творчество Рабле и проблема народной культуры средневековья и Ренессанса. <Дополнения и изменения к редакции 1949–1950 гг.> // *Бахтин М.М.* Собрание сочинений. В 7 тт. Т. 4 (1). М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2008. С. 517–601.
16. *Бонецкая Н.К.* Бахтин и идеи герменевтики // *Бонецкая Н.К.* Бахтин как философ. Поступок, диалог, карнавал. СПб.: Алетейя, 2022. С. 357–405.

17. Бочаров С.Г., Гоготшвили Л.А. Комментарии // Бахтин М.М. Собрание сочинений. В 7 тт. Т. 5. М.: Русские словари, 1996. С. 492–507.
18. Бочаров С.Г. Пушкин и Белкин // Бочаров С.Г. Поэтика Пушкина. Очерки. М.: Наука, 1974. С.127–187.
19. Бочаров С.Г. Стилистический мир романа («Евгений Онегин») // Бочаров С.Г. Поэтика Пушкина. Очерки. М.: Наука, 1974. С. 26–104.
20. Бройтман С.Н. Проблема диалога в русской лирике первой половины XIX века: учеб. пособие по спецкурсу / Даг. гос. ун-т им. Ленина. Махачкала, 1983. 80 с.
21. Бройтман С.Н. Русская лирика XIX – начала XX вв. в свете исторической поэтики. М.: РГГУ, 1997. 307 с.
22. Дубровская С.А. От «Арзамаса» до Гоголя: смеховое слово в пространстве русской литературы 1810-х – начала 1840-х гг. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2018. 252 с.
23. Попова И.Л. Комментарии // Бахтин М.М. Собрание сочинений. В 7 тт. Т. 5. М.: Русские словари, 1996. С. 473–492.
24. Попова И.Л. Немая сцена у Пушкина и Гоголя («Борис Годунов» и «Ревизор») // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1991. Т. 50. № 5. С. 459–466.
25. Тамарченко Н.Д. «Пиковая дама» А.С. Пушкина и «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского (о преемственности нравственно-философской проблематики). Дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1972.
26. Тамарченко Н.Д. Русский классический роман. М.: РГГУ, 1997. 202 с.
27. Турбин В.Н. О Бахтине // Турбин В.Н. Незадолго до Водолея. М.: Радикс, 1994. С. 29–30.
28. Тюпа В.И. Карнавальные пары в «Повестях Белкина» // Поэтика русской литературы. К 70-летию проф. Ю.В. Манна. М.: РГГУ, 2001. С. 45–56.
29. Фомичев С.А. Смеховой мир «Комедии о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве» // Фомичев С.А. Пушкинская перспектива. М.: Знак, 2007. С. 62–88.
30. Шульц С.А. М.М. Бахтин, Р. Ингарден, П.П. Пазолини о категории «ответственности» // Slavica Tergestina. Trieste, EUT Edizioni Università di Trieste, 2017, Vol. 19. № 2. С. 226–243.
31. Шульц С.А. Достоевский, Аполлон Григорьев, Бахтин // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 2020. Т. 65. № 1. С. 193–207.
32. Шульц С.А. Карнавал и мифопоэтика (на материале «Маленьких трагедий» А.С. Пушкина) // М.М. Бахтин и проблемы современного гуманитарного знания. Материалы межвузовской науч. конф. Ростов-на-Дону, 1995. С. 18–27.
33. Шульц С.А. Наследие М.М. Бахтина: контуры целостности // Slavica Wratislaviensis, 2021. Т. 174. S. 69–81.
34. Эмерсон К. «Борис Годунов»: трагедия, комедия, карнавал и история на сцене // Эмерсон К. Очерки по русской литературной и музыкальной культуре. Бостон; СПб.: Academic Studies Press; БиблиоРоссика, 2020. С. 137–166.
35. Юхнова И.С. Интерпретация художественного текста сквозь призму концепции диалога (на материале творчества А.С. Пушкина) // М.М. Бахтин в современном мире: Материалы VI международ. саранских Бахтинских чтений, посвящ. 120-летию со дня рожд. ученого, Саранск, 25–26 нояб. 2015 г. Саранск: изд-во Мордов. ун-та, 2016. С. 242–248.
36. Юхнова И.С. Общение и диалог в творчестве Пушкина. Саранск, 2014. 204 с.
37. Якобсон Р.О. Заметки на полях «Евгения Онегина» // Якобсон Р.О. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. С. 219–224.
38. Clark K., Holquist M. Mikhail Bakhtin. Cambridge, Mass.; London: Belknap press of Harvard Univ. press, 1984. 398 p.

M.M. Bakhtin about A.S. Puskin

© 2023 S.A. Schultz

Sergei A. Schultz, Ph.D. in Philology, independent researcher
E-mail: s_shulz@mail.ru

Annotation. Bakhtin draws the outlines of a rather flexible and integral interpretation of Pushkin's work. There are three main semantic knots in which Bakhtin comprehends Pushkin. The first one is based on the value-philosophical approach and is associated with the dialogical idea of interpenetration of personal value-ideological contexts and horizons of the author and characters. The second is devoted to novel poetics and prose. The third is related to the theory of carnival. Despite the frequent intention of illustrativeness in relation to the researcher's own philosophical and philological idea, Bakhtin's characteristics contribute a lot to our understanding of the organics of Pushkin's world. On the other hand, Pushkin's work acquires an illuminating significance for understanding Bakhtin's concepts. Bakhtin's Pushkin studies reveal with particular clarity the hermeneutic nature of Bakhtin's method: the interpretation of a text is born from the historically meaningful subjectivity of the interpreter. Let us call this subjectivity responsible: it is responsible insofar as it is marked by such features as the scale of thought and the depth of penetration into the subject. At the same time, this subjectivity is rooted in the organic, living movements of the event of being, in a specially interpreted hermeneutic pre-understanding-horizon.

Keywords: Pushkin, Bakhtin, dialogism, carnivalism, prose, theory of the novel, hermeneutics.

1. *Agranovich S.Z.* Narodnaya smekhovaya kul'tura v tragedii Pushkina «Boris Godunov» // Soderzhatel'nost' form v khudozhestvennoi literature. Problemy poehtiki. Samara, 1991. S. 3–15.
2. *Bakhtin M.M.* <Avtor i geroi v ehsteticheskoi deyatel'nosti> // Bakhtin M.M. Sobranie sochinenii. V 7 tt. T. 1. M.: Russkie slovari; Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2003. S. 69–264.
3. *Bakhtin M.M.* Dopolneniya i izmeneniya k Rable // Bakhtin M.M. Sobranie sochinenii. V 7 tt. T. 5. M.: Russkie slovari, 1996. S. 80–129.
4. *Bakhtin M.M.* Zametki 1962 g. – 1963 g. // Bakhtin M.M. Sobranie sochinenii. V 7 tt. T. 5. M.: Russkie slovari, 1996. S.375-378.
5. *Bakhtin M.M.* Iz predystorii romannogo slova // Bakhtin M.M. Sobranie sochinenii. V 7 tt. T. 3. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2012. S. 513–551.
6. *Bakhtin M.M.* <K voprosam samosoznaniya i samoootsenki> // Bakhtin M.M. Sobranie sochinenii. V 7 tt. T. 5. M.: Russkie slovari, 1996. S. 72–79.
7. *Bakhtin M.M.* <K filosofii postupka> // Bakhtin M.M. Sobranie sochinenii. V 7 tt. T. 1. M.: Russkie slovari; Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2003. S. 7–68.
8. *Bakhtin M.M.* K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk // Bakhtin M.M. Sobranie sochinenii. V 7 tt. T. 5. M.: Russkie slovari, 1996. S. 7–10.
9. *Bakhtin M.M.* Pis'mo N.M. Lyubimovu ot 24 iyunya 1962 g. // Bakhtin M.M. Sobranie sochinenii. V 7 tt. T. 4 (2). M.: Russkie slovari; Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2010. S. 639–640.
10. *Bakhtin M.M.* Problemy poehtiki Dostoevskogo // Bakhtin M.M. Sobranie sochinenii. V 7 tt. T. 6. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2002. S. 5–300.
11. *Bakhtin M.M.* Problemy tvorchestva Dostoevskogo // Bakhtin M.M. Sobranie sochinenii. V 7 tt. T. 2. M.: Russkie slovari, 2000. C. 5–175.
12. *Bakhtin M.M.* Fransua Rable v istorii realizma // Bakhtin M.M. Sobranie sochinenii. V 7 tt. T. 4 (1). M.: Russkie slovari; Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2008. S. 11–505.
13. *Bakhtin M.M.* Slovo v romane // Bakhtin M.M. Sobranie sochinenii. V 7 tt. T. 3. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2012. S. 9–179.
14. *Bakhtin M.M.* Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa // Bakhtin M.M. Sobranie sochinenii. V 7 tt. T. 4 (2). M.: Russkie slovari; Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2010. S. 7–508.
15. *Bakhtin M.M.* Tvorchestvo Rable i problema narodnoi kul'tury srednevekov'ya i Renessansa. <Dopolneniya i izmeneniya k redaktsii 1949–1950 gg.> // Bakhtin M.M. Sobranie sochinenii. V 7 tt. T. 4 (1). M.: Russkie slovari; Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2008. S. 517–601.
16. *Bonetskaya N.K.* Bakhtin i idei germeneytiki // Bonetskaya N.K. Bakhtin kak filosof. Postupok, dialog, karnaval. SPb.: Aleteiya, 2022. S. 357–405.

17. *Bocharov S.G., Gogotishvili L.A.* Kommentarii // Bakhtin M.M. Sobranie sochinenii. V 7 tt. T. 5. M.: Russkie slovari, 1996. S. 492–507.
18. *Bocharov S.G.* Pushkin i Belkin // Bocharov S.G. Poehtika Pushkina. Ocherki. M.: Nauka, 1974. S. 127–187.
19. *Bocharov S.G.* Stilisticheskij mir romana «Evgeniy Onegin» // Bocharov S.G. Poehtika Pushkina. Ocherki. M.: Nauka, 1974. S. 26–104.
20. *Broitman S.N.* Problema dialoga v russkoi lirike pervoi poloviny XIX veka. Makhachkala, 1983. 80 s.
21. *Broitman S.N.* Russkaya lirika XIX – nachala XX vv. v svete istoricheskoi poehtiki. M.: RGGU, 1997. 307 s.
22. *Dubrovskaya S.A.* Ot «Arzamasa» do Gogolya: smekhovoe slovo v prostranstve russkoi literatury 1810-kh nachala 1840-kh gg. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 2018. 252 s.
23. *Popova I.L.* Kommentarii // Bakhtin M.M. Sobranie sochinenii. V 7 tt. T. 5. M.: Russkie slovari, 1996. S. 473–492.
24. *Popova I.L.* Nemaya stsena u Pushkina i Gogolya // ("Boris Godunov" i "Revizor") // Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka. 1991. T. 50. N 5. 459–466.
25. *Tamarchenko N.D.* «Pikovaya dama» A.S. Pushkina i «Prestuplenie i nakazanie» F.M. Dostoevskogo (o preemstvennosti npravstvenno-filosofskoi problematiki). Diss. ... kand. filol. nauk. L., 1972.
26. *Tamarchenko N.D.* Russkii klassicheskii roman. M.: RGGU, 1997. 202 s.
27. *Turbin V.N.* O Bakhtine // Turbin V.N. Ne zadolgo do Vodoleya. M.: Radiks, 1994. S. 29–30.
28. *Tyupa V.I.* Karnaval'nye pary v «Povestyakh Belkina» // Poehtika russkoi literatury. K 70-letiyu prof. Yu.V. Manna. M.: RGGU, 2001. S. 45–56.
29. *Fomichev S.A.* Smekhovoi mir «Komedii o tsare Borise i o Grishke Otrep'evе» // Fomichev S.A. Pushkinskaya perspektiva. M.: Znak, 2007. S. 62–88.
30. *Shul'ts S.A.* M.M. Bakhtin, R. Ingarden, P.P. Pazolini o kategorii «otvetstvennosti» // Slavica Tergestina. Trieste, EUT Edizioni Università di Trieste, 2017, Vol. 19. № 2. C. 226–243.
31. *Shul'ts S.A.* Dostoevskii, Apollon Grigor'ev, Bakhtin // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 2020. T. 65. № 1. S. 193–207.
32. *Shul'ts S.A.* Karnaval i mifopoehtika (na materiale «Malen'kikh tragedii» A.S. Pushkina) // M.M. Bakhtin i problemy sovremennogo gumanitarnogo znaniya. Materialy mezhvuzovskoi nauchnoi konferentsii. Rostov-na-Donu, 1995. C. 18–27.
33. *Shul'ts S.A.* Nasledie M.M. Bakhtina: kontury tselostnosti // Slavica Wratislavensia, 2021. T. 174. S. 69–81.
34. *Ehmerson K.* «Boris Godunov»: tragediya, komediya, karnaval i istoriya na stsene // Ehmerson K. Ocherki po russkoi literaturnoi i muzykal'noi kul'ture. Boston; SPb.: Academic Studies Press; BibliORossika, 2020. S. 137–166.
35. *Yukhnova I.S.* Interpretatsiya khudozhestvennogo teksta skvoz' prizmu kontseptsii dialoga (na materiale tvorchestva A.S. Pushkina) // M.M. Bakhtin v sovremennom mire: Materialy VI mezhdunarodnykh saranskikh Bakhtinskikh chtenii, posvyashchennykh 120-letiyu so dnya rozhdeniya uchenogo, Saransk, 25–26 noyabrya 2015 goda. Saransk: isd-vo Mordov. un-ta, 2016. S. 242–248.
36. *Yukhnova I.S.* Obshchenie i dialog v tvorchestve Pushkina. Saransk, 2014. 204 s.
37. *Yakobson R.O.* Zametki na polyakh «Evgeniya Onegina» // Yakobson R.O. Raboty po poehtike. M.: Progress, 1987. S. 219–224.
38. *Clark K., Holquist M.* Mikhail Bakhtin. Cambridge, Mass.; London: Belknap press of Harvard Univ. press, 1984. 398 p.